

Глеб Иванович Успенский

Затруднения купца

Тараканова

Скучающая публика

Глеб Успенский

Затруднения купца Тараканова

«Public Domain»

1884

Успенский Г. И.

Затруднения купца Тараканова / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1884 — (Скучающая публика)

«...Материалом для рассказа послужили злободневные явления тех лет: крах ряда банков и обнаруженные в них хищения и растраты. Газеты 1883–1884 гг. пестрели сообщениями о банковских злоупотреблениях. Внимание общественности особенно привлекло судебное дело против директора И. Г. Рыкова и его соратников, возбужденное в связи с крахом банка в г. Скопино. Мошеннические проделки этих банковских «деятелей», вскрытые на суде, были восприняты современниками как типичнейшее проявление капиталистического хищничества...»

Глеб Иванович Успенский

Затруднения купца Тараканова

Эта маленькая неожиданность, заставившая меня покинуть покойное ложе, волей-неволей заставила также увидеть и моих попутчиков. Фельдшер был маленький, сухенький человек с несколько постным и притом чисто крестьянским лицом. Белокурые, почти льняного цвета волосы были тщательно зачесаны со лба назад и подстрижены в скобку; одет он был чрезвычайно опрятно, в новенькую кожаную куртку, застегнутую до горла, и в высокие, выше колен, сапоги. Что касается моего соседа, лежавшего в головах, то это был человек также небольшого роста, повидимому купец, человек пухлый, раздутый, точно налитой; он был без сапог, в холстинной рубашке, плотно перекрещенной на спине и на груди старыми кожаными подтяжками; что-то залежавшееся, старозаветное виднелось в его фигуре со скомканной рыжеватой бородой, «пятерней» разобранными волосами и тараканьими усами, увенчанными малиновым носом величиной с пуговицу. Тугой, на солдатский манер, галстук, скрывавший ворот рубашки и очевидно с усилием застегнутый на два крючка на бритой, щетинистой шее, также показывал, что человек этот не «нонешнего» поколения и не нонешней развязности, а бараньи, круглые серые глаза навывкате, казалось, и при усилии не могли бы выразить ничего иного, кроме наивной забитости.

Долго чихал он, наклоняясь к полу и обеими руками отирая там, внизу, чуть не под диваном, на котором сидел, свое лицо и бороду. И не успел он еще привести их в должный порядок, как счел почему-то нужным повернуть свое раздувшееся от кашля и тесного галстука лицо в мою сторону и сильным прерывающимся голосом объяснить:

– Вс-се... от... пьянства!..

Он хотел что-то прибавить, объяснить мне, новому лицу, дело «поподробнее», но опять ему пришлось нагнуть голову под диван, откашливаясь и чихая.

– Потому... жрешь... беспрестанно! – прохрипел он наконец, когда припадок окончился. Отчихавшись, купец умылся, после чего, обратясь к буфетчице, сказал: «Нет ли, матушка, тряпочки какой *рыло* обтереть?» и потом некоторое время молча посидел на своем месте, упираясь в сиденье обеими руками и тяжело дыша открытым ртом.

– Нет! – решительно проговорил он наконец. – Видно, надо горячим продолжать...

Эти слова относились уж не ко мне исключительно, а ко всем, бывшим в каюте, то есть и к нам, попутчикам, и к лакею, и к буфетчице.

– У меня две линии идут завсегда: первоначально горячим орудуешь, пуншами наливаешься, гринтвейном, все горячим – пока до предела. Ну, а уж как дойдешь до пункта, на другую линию поворачиваешь: тут уж все со льдом, со льдом, холодное; нониче, видно, еще не в пору... хватил вот с ледком коньячишку, ан оно и захватило!..

На маленьком столике пред купцом стояла бутылка коньяку, тарелка льду и какие-то рюмки и стаканы.

– Так уж ты дай мне тепленького, – сказал он лакею. – Кофейку с коньячишком... Лимонцу!..

Лакей ушел исполнять приказание; ушла и буфетчица.

– Что ж это, позвольте вас спросить? – сказал участливо фельдшер, обращаясь к купцу. – Всё вы говорите: «пьешь, пьешь»... Что ж это, недуг, что ли, у вас?..

– Нет, запою у меня нету! Это мне и доктора говорили... Вот как после Аграфениной расправы пришлось мне недели три дома просидеть, так я ничего, совсем стал человеком. Даже и охоты никакой нет пить-то! И рюмки не выпил... Ну, а как вступишь в публику – и пьешь!

– Да зачем же это?

– Ей богу, не знаю! Так вот, хлопаешь рюмку за рюмкой по случаю разных предлогов, только и всего! И даже совершенно не понимаю, что такое? А глядишь, как час десятый, одиннадцатый приближается, уж и язык не действует, и ворот своих не сыщешь... Так вот, пес его знает, как выходит...

– Гм!.. – сказал фельдшер. – Странно!

– То есть, даже понять невозможно. Ведь это я знаю: коли не пить, то и пищу принимаешь хорошо, и в рассудке ясность, и вообще весь корпус оказывает крепость. Это я все понимаю. А так как и в мыслях, и в поступках, и в делах, и во всем спутавши, так вот и пьешь незнамо зачем. Н-ну, и дела не веселят... Торговлишка тоже кое-как... довольно как-то тупоумно идет... Да и так вопче все склоняет на пьянство... ей-богу! А что сурьезно сказать, даже и удовольствия не вижу... Ей-ей! Ведь даже скусу не вижу; что водка, что коньяк, что ром или там вина – ведь чистое, с позволения сказать, свиное пойло. Ну, какой в них скус? А лакаешь! А так я думаю, что вот мотаешься всю жизнь вокруг да около, пес его знает чего, так вот и жрешь все, неведомо зачем... Одна даже совсем было задохся...

Говоря это, купец поглядывал то на меня, то на фельдшера; но ни я, ни фельдшер не нашли возможным отвечать ему что-нибудь, несмотря на то, что объяснение им своего «пьянства» вышло довольно пространным. Наше молчание было скоро прервано появлением слуги, который принес купцу стакан кофе и лимон. Купец подлил в кофе коньяку, выпил, крикнул, похвалил и усы свои пососал...

– Так как-то оно, даже с самых первоначальных дней идет, – заговорил он. – Слышишь-послышишь, обсуждают разные времена, говорят: «порядку было больше в старое время, правил, бога чтили». Не знаю! Ничего этого обсуждать не могу, ни новых, ни старых правил... А что касается об себе – ничего, кроме побоев, с детских дней не было: Только, бывало, и ждешь одного! И весь дом тож, бывало, – и маменька, и сестра, и братья, и прислуга, и приказчики, и все население – все, бывало, только трясутся целый божий день, чего-то опасаются... Конечно, нам нельзя осуждать родителей, а вспомнишь – ничего хорошего от них не было... И сам, бывало, родитель-то молчит, сидит в своей моленной, и весь дом молчит, шепчутся только, и собаки на цепях, и замки везде, эво какие... А что такое? зачем? почему этакая строгость? – не знаю! Я моим глупым умом этого не могу понять... Трясешься, бывало, и все тут! Терпишь, терпишь, да случай выйдет, прямо в подворотню да в кабак! Напьешься, наколотят тебе шею, вычихаешься и опять молчишь. Не знаю! Порядки это или уж как иначе назвать, а вспоминать, перед богом, нечего. Завсегда, кажется, как себя начал помнить, не иначе об себе мог думать и полагать, как о самой последней твари, а кому от этого польза – не спрашивал. Да и про нынешние времена тоже не могу ничего настоящего сказать: ни то хорошо, ни то худо. При родителе, по крайности, знал одно: молчишь как зарезанный и мыслей даже нет; ну, а теперича мыслей тоже нету никаких, а врешь с утра до ночи... По моему счету, господа, стал я, например, врать, то есть без устали, лет пятнадцать либо двадцать тому назад, да и посейчас не предвижу остановки, разве что в тюремном месте прекратим это занятие, а что своим смыслом – не выбраться! Нет, не вылезешь!

– Да в чем же собственно дело? – спросил фельдшер в недоумении.

– Да в том и дело, что врем с утра до ночи, – вот в этом самом все наше дело и заключается. Как пошла леформа, так и стали врать направо и налево, от утренней зари до заката, пока на четвереньках до ворот не доползешь. Все только врешь, и больше ничего... Мы жили при родителях, ни о чем понятия не имели. И родители тоже никаких смыслов не могли разъяснить; мне вот теперь сорок шестой год, а я, перед богом, не знаю: и что такое Россия, где она начинается, где кончается, ничего не знаю! Знаю, что живу в России, а что она такое – неизвестно! Никаких правил, порядков, законов, – ничего мне неизвестно. Лес дремучий – больше ничего! Про бога тоже мало знаю, ничего мы этого не понимаем, никакой премудрости не можем знать. Ни читать чтобы со смыслом, ни написать по-человечьи, ничего не умеем –

одним словом, окончательно только получили от родителей один испуг, больше ничего. Что же мы можем понимать? Ничего! Ну, вот в этаким-то виде и всунулись мы рылом в леформы... Вот с тех пор только и делаешь, что врешь, да пошло жрешь, да с арфистками.

– Про какие же собственно реформы вы изволите говорить?

– Да про всякие... Какие только ни бывали, во всех мы натоптали, насрамотили... А так, чтоб сказать, где больше, а где меньше, – не могу! Везде все спутавши комом, и окромя острога нам не будет другого результата... Потому – нехорошо! Вот что! Батюшка-протопоп распро-страняет такое мнение, что, мол, в прежние времена «Страх господень знали, бога боялись»... А Аграфена-то вон как нашего брата определила! Извольте-ка подумать, чего натворили из-за одной рощи, а ежели все-то поступки счесть, так и сметы даже не будет, сколько мы, окромя этой рощи, зла натворили! Стало быть, что бога-то в нас мало было, а не очень чтобы много... Рассказать хоть про эту самую банку нашу. Сокрушили мы эту самую рощу, всякую черноту и голь оголили, сирот осиротили, и на эти, на сиротские, на Аграфенины, стало быть, деньги стали уширение делать потреблению, само собой уж с молебном, конечно уж и слово протоиерея сказал, ну только надо прямо говорить: слабоватое было слово; не в привычку еще было об таких делах «по писанию» разговаривать; только всего и слышали, что «мзда» да «мзду»... Ну, а вот один из светских, из ловких, так точно сплел хороший бредень! Этот, ловкий-то, главный был воротило в этом деле. Жадного народу у нас много, ртов-то, например, лохматых очень даже довольно, а чтоб как-нибудь форменно обработать порцию, нет, не мастера; разговору нет никакого, и выдумки тоже никакой нет. Так, ежели просто по-щучьи сглонуть кусок – можем! Разинем рот и дожидаемся, покуда в него сама порция вскочит; ну, а чтобы свое разбойство поблагородней представить, нет, не умеем! Чавкаем, да пальцами играем, да кланяемся – в том наше и образование все. Так уж само собой таким людям на подмогу требуются люди по словесной части: то есть чтобы все привел в форму, расписал, обгородил, чтобы нам не беспокоиться ни о чем, а только бы пасть свою разевать во-время. Вон и в нашем деле такой-то тоже был инструмент... Еще когда рощу сводили, так он тоже много в думе бормотал на разные манеры: «Рыск, говорит... В Америке, вишь, завсегда рыск... чрез это и богатство... утром, вишь, нищий был, поймал рыбу, продал, сейчас деньги в оборот – к обеду у него сто тысяч, а к вечеру миллион... В Америке, вишь, поезда без остановки ходят... Пассажиров прямо с багажом в окно швыряют, и ничего: сейчас встанет и побежит, потому – время дорого, от этого и оборот быстрый, проценту много, не то что, мол, у вас: набили сундуки деньгами, да и спите на них!». Всяких слов тогда много набормотано было! Мы ведь очень прекрасно понимаем, что это одно бормотанье, да носом чувствуем, что по нынешним временам именно на такой манер требуется лапу-то запускать, то есть чтобы с Америкой было, и с производством, и со всем прочим припасом, а не просто по-волчьи: сгреб за хохол и поволок в лес... Ну и бормотал этот парнишка во всех местах: и в думе, и в губернии, и в Питере. Все и выхлопотал и утвердил. Так вот этот-то ловкач и на молебствии тоже от себя слово сказал. Само собой и про Америку, и про всякую небылицу в лицах: «а что касаемое, говорит, до вкладов, то мы в надежде, говорит, что все почтенные старцы и вдовы и прочие, например, преклонные люди принесут нам свои крохи, и будут они, говорит, доживать свои дни спокойно, без забот и трудов, потому – будет им идти дивидент, подобно, говорит, как в писании сказано: «не сеют, не жнут», а получают дивидент со всех продуктов и живут во славе, превосходнее Соломона!» Вот так и началось; пока что бормотали да бормотали да лес руби: ли, – глядь, а уж вокруг этих денег два-три человека есть. Своими ручками их держут: Иван Кузьмич директор, Артем Артемыч член и Кузьма Семеныч член.... Стало быть, один дядя, один племянник и один двоюродный брат. Один одному подписали три векселька, попереду всех денежки взяли – хватъ-похватъ – эво, какая сила у них вышла! Чисто вот как ловкач-то про Америку сказывал: утром ничего не было, а вечером – хватъ-похватъ из Аграфенина лесу – и богачами сделались! И видим мы, лавочная мелкота, что не сегодня – завтра нам точно подохнуть придется, потому у них сила

явная в лапах-то! Набрали денег эти самые сродственники и так грозятся, что большую торговлю откроют и всех нас проглотят. И видим, нет мудреного ничего. Надобно, стало быть, и самим лезть либо в перебой, либо в компанию. И покупатель-то нам весь начисто известен; всего-то его по пальцам пересчитать можно, а что делать? Надо тянуться!.. Вот таким родом наша мелкая братия и лезет в союз к сродственникам. «Не губите, мол, а примите под крыло!» – «Извольте!» – «Что же требуется?» – «Берите у нас товар; больше ничего и не требуется, только всего!» – «Что ж? Позвольте товару!» Отвалят товару на пять тысяч, девать некуда! Произведут в члены, подыщут таких же дураков поручителями и деньги выдадут, то есть денег-то не выдадут, а в уплату за свой товар в карман себе положат, а мы только, как курица лапкой, нацарапаем: «пять тысяч получил купец Тараканов...» Как ты эдак-то хоть один раз поступил, то есть воткнулся в ихнюю компанию, с этого самого числа и начинаешь ты, друг любезный, врать без передышки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.